

В. В. Ушницкий

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭВЕНКОВ-ТУНГУСОВ¹

В статье исследуется проблема этногенеза эвенков, анализируются концепции, связанные с данной проблемой, в исследованиях российских, советских и китайских ученых, представлены различные подходы (включая антропологические, генетические, этнографические, археологические, языковые и письменные источники) и материалы. Автор связывает происхождение эвенков с племенами больших шивэй.

Проблема этногенеза эвенков, известных под именем тунгусов, имеет ключевое значение для многих регионов Сибири. Только решение этой фундаментальной задачи может пролить свет на многочисленные загадки археологии и древней истории Якутии. Почему именно Якутии, ведь многие регионы Сибири и Дальнего Востока России и Китая претендуют на звание прародины тунгусов? Солоны, хамниганы, орочи и негидальцы, эвены, ороки — это субэтноты огромного эвенкийского, или тунгусского, народа, распространенные на соседних с Якутией территориях. Забайкалье, Прибайкалье, Приамурье, Маньчжурия также претендуют на звание прародины тунгусских народов. Предками тунгусо-маньчжурских народов принято считать древних сушеней, от них обычно выводят племена мохэ — носителей польцевской культуры. Однако считается, что мохэ пришли на территорию Амура с территории Забайкалья. Следовательно, сушени и мохэ могли быть разными народами. В этой связи мохэ представляются носителями глазковской культуры. Определенное

¹ Исследования осуществлены при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» И120214053613.

сходство между носителями глазковской и ымыяхтахской культур говорит о том, что формирование тунгусо-маньчжурских народов могло происходить на обширной территории Восточной Сибири.

Архаичность тунгусской таежной культуры, элементы которой обнаруживаются в глазковской культуре, свидетельствует о ее автотонности на территории Восточной Сибири. Генетические и антропологические материалы говорят о связи этногенеза тунгусов с ымыяхтахцами. Сходство материальной культуры и единого байкальского антропологического типа юкагиров и тунгусов служило доказательством заимствования вторыми элементов таежной охотничьей культуры первых в ходе ассимиляционных процессов. Таким образом, следует определить время контактов между юкагирскими этносами и тунгусами, а также провести разграничение между тунгусской и юкагирской культурами.

Кроме того, требуют исследования параллели и этнические связи (языковые и этнические) между тунгусами и маньчжурами. Амурские этносы — ульчи, удэгэ, нанайцы — также являются не просто тунгусоязычными народами или остатками чжурчжэней, а самостоятельной языковой группой. Поэтому выводить предков тунгусов от диких чжурчжэней, проникших в восточносибирскую тайгу под напором киданей [Туголуков 1980], не вполне обоснованно с научной точки зрения.

Имя *тунгусов* чисто внешне сопоставимо с китайским названием *дун-ху* — «восточные варвары». По данным И. Г. Георги, слово «тунгус» не является экзоэтнонимом, данным их предкам тюрками, от слова «свинья» или *тон уус* — «мерзлый человек» в якутском языке, а происходит от самоназвания эвенков *донки* [Георги 1799]. По нашему мнению, якутское слово *тонус* и европейское *тунгус* относятся не к одному и тому же этническому коллективу. Согласно материалам якутского фольклора, словом *тонус* — «мерзлый род» — обозначали все арктические народы: чукчей, юкагиров, ламутов и эвенков [Боло 1994]. Самих эвенков, помимо общего определения *тон уустар*, обозначали под именами *тумат*, *дьирикинэй* или *тигишлээх сирэйдэр* (шитолицы). От племени дун-ху обычно выводятся предки монголоязычных народов. Поэтому точка зрения С. М. Широкогорова о южном

происхождении тунгусов в среднем течении Хуанхэ и Янцзы [Shirokogorov 1929] не отвечает современным научным знаниям.

В. А. Туголуков самоназвание эвенков связывал с названием племени *увань* в китайской хронике VII в. [Туголуков 1985]. Более того, этот средневековый народ знал оленеводство: «Оленей кормили мхом и впрягали в телеги» [Василевич 1946]. Есть мнение, что этноним *увань* встречался в письменных источниках значительно ранее VII в., одновременно с именем *сяньби*. Данное утверждение связывает уваней с древними ухуанями — ветвью дунху, много веков воевавших с хуннами и китайцами. Так, этноним *ухуань* в древнекитайском читался как «овен» или даже «эвен» [Шавкунов 1968].

И. Бичурин считал, что увани произошли от ухуаней: «На северо-восток от улоху (улохоу) в 200 с лишком ли, к северу от реки Нахэ, живут остатки древних ухуаней, ныне также называют себя ухуань (И. Б.: Увань — другое чтение тех же иероглифов)» [Бичурин 1953]. По его информации, впоследствии восточные шивэй стали называться уванями: «На севере находятся восточные шивэй. Это остатки ухань (или увань), живших на юго-восточных окраинах» [Там же].

Эта старая гипотеза, отождествляющая предков тунгусов с племенами дунху, представляется еще не отжившей с научной точки зрения. Так, Е. А. Хелимский язык племени аваров, обитавших в территории Венгрии в VI в., отнес к еще не разделенному пратунгусскому языку. Следовательно, предки аваров — жужани и другие племенные образования, которых китайская традиция относит к группе дунху, — были связаны с тунгусо-маньчжурскими народами [Хелимский 2003].

Что интересно, аваров и раньше считали потомками ухуаней. Э. Паркер полагал, что предком европейских аваров было племя Юэбань, которых Л. Н. Гумилев связывал с миграцией северных хуннов. Данный автор соотносит с тунгусами известные племена дунху, тоба, сяньби и жужань. Реальное прочтение имени народа Юэбань, согласно Паркеру, — *евань* или *евар* [Паркер 2003].

Европейских аваров и племя Юйвень в Средней Азии — потомков хуннов — связывали с ухуанями. По утверждению немец-

кого тюрколога И. Маркварта, китайский слог *пень* (*бань*) является санскритским *Var*. Китайский слог *юе* дает заглавную букву *Е*. Отсюда — хуннское ханство *Юебань* в Средней Азии в китайской транскрипции восстанавливается как *Евань* или *Евар*. Предками хи или кумохи, искомым урянха был род южного шаньюя хунну Юйвень, поселившийся среди дунху. Название этого племени тоже соотносили с названием *Увань* [Маркварт].

В. И. Сосновский кетское обозначение эвенков — хевенва — связывал с названием племени сяньби. По нему, часть хевенвайцев-сяньбийцев проникла в Прибайкалье, ассимилировала аборигенов и вошла в соприкосновение с динлинами. Обитавшие здесь народы турецкого, монгольского и динского происхождения должны были подчиниться им. Немногочисленные сяньбийцы смогли составить лишь господствующий слой, растворившийся в массе покоренных народов. Сохранились лишь их остатки в бассейнах Олекмы и Витима увани [Сосновский 1929: 6].

Таким образом, в зарубежной и российской историографии имеется устойчивая традиция, связывающая этногенез эвенков с группой племен дунху. Этнонимы *эвен* и *эвенки* возводятся к названию племени *увань*, которое китайская традиция считает потомками ухуаней.

В этой связи встает вопрос использования китайских источников в поиске сведений о предках тунгусов. По их свидетельству, увани (поздние ухуань) ассимилировали часть шивээв. Поскольку ухуани считаются монголоязычными, то и увани, как и шивэи, могли быть монголоязычными. Также они говорят о проникновении воинственных да-шивээв с территории Южной Якутии на территории Приамурья и вытеснении ими племен монголоязычных шивээв. Сами да-шивэи говорили на непонятном языке, возможно, они были тунгусоязычными. Видимо, тунгусоязычные да-шивэи ассимилировали часть монголоязычных племен и присвоили себе их названия.

Фольклорное самоназвание забайкальских эвенков — урянхай [Василевич 1966] — возводит этногенез эвенков к племенам хикай, которые были исконными урянхайцами [Кюнер 1961: 367]. Данный этноним связывает эвенков с саха-якутами, старинным

самоназванием которых являлось слово *ураанхай*. Местом формирования якутского народа считается регион Прибайкалья [Окладников 1955], это предполагает тесные этногенетические и этнокультурные связи якутов с эвенками. Однако носители этнонима хи–урянской считаются монголоязычными. Следовательно, проникновение имени *урянхай* в эвенкийскую среду связано с процессами «отунгушения» ранее монголоязычных родов, предков хамниганов и солонов. К тому же явно скотоводство не было исконным занятием предков эвенков. Иначе невозможно объяснить тот факт, что эвенки Восточной Сибири никогда не занимались скотоводством. Конные эвенки, видимо, появились в Забайкалье сравнительно поздно, в ходе тунгусо-монгольских этнических контактов. Наличие вариантов этнонима «якут» в родовом составе эвенков Прибайкалья и Забайкалья говорит о том, что начальный этап этногенеза якутов на территории Байкала связан с тюркизацией эвенкийских групп. Упоминание эвенкийского княжества Эхе на территории Маньчжурии XVII в. служит свидетельством наличия тунгусов на его территории еще до прихода русских казаков.

Наличие «пеших» групп тунгусов наряду с оленными также говорит о одновременности прибытия различных групп эвенков на территорию Якутии. Скорее всего, оленные группы мигрировали в Якутию X–XIII вв. с территории Забайкалья. Они могли принести с собой этнонимы, общие с монголами: хатыгын, сортол, югюлээт, баягиры, коет, монголь. А «пешие» охотничьи группы эвенков можно назвать исконными, аборигенными группами населения на территории Восточной Сибири. Западные эвенки могли уйти на территорию Оби и Енисея только в XV в. под напором прибывших на Среднюю Лену якутов.

К тому же, согласно источникам в XVII в., тунгусы не были единым народом. Еще Н. В. Ермолова предлагал произвести ревизию действующего уже долгие годы взгляда на эвенков «как на единый в своей основе этнос», части которого, расселяясь в различных «природных и этнических условиях, приобрели в процессе приспособления к ним ряд отличительных признаков, считающихся у них заимствованными, вторичными» [Ермолова 1993:

97–98]. Именем «тунгус» обозначали лишь западную группу эвенков, этноним «эвенк», или «эвен», впервые зафиксирован лишь в отношении одного рода охотских тунгусов. Зато европейские путешественники в качестве отдельных народов отмечают буляшей, синигиров, шаманов (самагиров), синигиров [Алексеев 1941]. Следовательно, ко временам завоевания Сибири русскими эвенки (тунгусы) состояли из многочисленных родовых групп, разбросанных на огромные расстояния, отсутствовало этническое самосознание как единого народа.

По утверждению Н. В. Ермоловой, западные и восточные эвенки изначально имеют конвергентное происхождение, одним из свидетельств которого является обычай татуирования лица западными группами [Ермолова 1993: 99]. В. А. Туголуков лесных тунгусов с «шитыми лицами» считал ассимилированными эвенками аборигенами-самодийцами [Туголуков 1985].

«Пешие» тунгусы побережья Охотского моря, заложившие основу эвенского этноса, или ламутов, безусловно, являются группой, имеющей отношение к древним тунгусам. Возможно, они также были вытеснены со Средней Лены якутами или их южными предками. Об этом говорит наличие этнонимов Ламунха и Мэнэ, присутствующих среди якутов.

Археологи этногенез эвенков связывают с археологическими культурами неолита, бронзового и раннежелезного века. По их данным, охотничья культура сформировалась на территории Восточной Сибири еще в палеолите, археологические материалы свидетельствуют о непрерывной этнической преемственности на территории Якутии. По мнению М. Г. Левина, в неолите существовали археологические культуры прибайкальской, североякутской и южноякутской «хозяйственно-культурных провинций», обнаруживающих «известное сходство, определяемое в значительной степени общим направлением хозяйства... связанным с относительно подвижным образом жизни» [Левин 1950: 56–57].

По Э. В. Шавкунову, пратунгусы являлись авангардной частью карасукцев, которые передвинулись из Забайкалья в занимаемые глазковцами таежные районы Прибайкалья. В таежной зоне пратунгусы восприняли тот образ жизни, который до их прихо-

да вели, согласно М. Г. Левину, древние юкагиры [Левин 1950]. Юкагирские заимствования включали связанные с ними типы жилых построек, покрой одежды, мировоззрение, то есть все то, что составляло материальную и духовную культуру юкагиров [Шавкунов 1990: 174].

В этногенетические исследования активно вмешиваются генетики. Так, Ю. Г. Рычков сделал вывод, что максимальная концентрация генетических маркеров «катангского типа» обнаруживается среди эвенков Средней Сибири, на территории, непосредственно примыкающей к прародине тунгусов. «Катангский генотип» Ю. Г. Рычков определяет как исходный генофонд современных эвенков и эвенов, все эти факты демонстрируют линии их преемственного развития от времен неолита и генетическую однородность с «праюкагирами» [Рычков и др. 1974: 6]. Генетические исследования важны для исследования автохтонных этносов, для которых отсутствуют письменные материалы, однако следует принять во внимание и языковую ассимиляцию. Поэтому генетические исследования должны сочетаться с языковыми. По мнению М. Г. Турова, древнейшие корневые основания эвенкийского языка формировались в составе так называемой «урало-алтайской лингвокультурной общности», время существования которой датируется эпохой верхнего палеолита. В то же время ранние этапы этногенеза «западных» и «восточных» групп эвенков имеют общие для всех «северных тунгусов» корни и восходят к неолитическим обитателям обширного пространства таежной зоны — от Енисея до Тихого океана. Материалы по классической антропологии и популяционной генетике по «северным тунгусам» (эвенкам и эвенам) характеризуют их как совокупность территориально изолированных и генетически связанных популяций, образующих относительно однородную «надэтническую макропопуляцию» [Туров 2008: 178].

Во время поездки в Эвенкийский национальный хошун в ходе беседы с доктором Церенбатовой затрагивалась и проблема этногенеза эвенков, обсуждалось, какие взгляды существуют по этому вопросу в китайской историографии. Эвенкийский писатель Урульту в последнее время активно занимается этногенезом эвен-

ков. Историк Аюн Далай написал труд об этногенезе эвенков на китайском языке. По их мнению, прародина эвенков находится в районе Чингайху, недалеко от горы Чанбойшань, рядом течет река Сунгари, то есть на самой южной стороне тунгусо-маньчжурского мира. По словам Церенбата, сейчас считают, что Бохай (мохэ) основали эвенки. Западнее Чанбойшаня, на территории провинции Ляонин, есть большой эвенкийский музей. Утверждается, что эвенки и мохэ (бохайцы) имеют общее происхождение [ПМА 2013].

Род увакасыл, или вокарай, в составе забайкальских эвенков связывают с мекритами-меркитами. Среди тунгусов восточного побережья Байкала имеется вакарайский род, включавший как коневодов, так и оленеводов [Туголуков 1980: 162]. У эвенков можно встретить предания о борьбе с народом железных богатырей «бекри», у которых и кони были закованы в железо. Они потерпели поражение и были ассимилированы тунгусами-эвенками [Туголуков 1985: 190].

К концу XIII в. относится сообщение Марко Поло о том, что в долине «Бангу» (Баргу) живут дикие охотники и скотоводы «мекри». У них много оленей; на оленях они ездили. Нравы и обычаи у них — как у татар, они якобы тоже признавали власть великого хана. Эти «мекри» проживали в местности, где зимой из-за великого холода не жили ни зверь, ни птица. А летом они охотились на зверей и птиц [Марко Поло 1997: 239].

Считается, что упоминаемая в рассказе Марко Поло долина Баргу, где есть море-океан, — это Байкал с островом Ольхон, на севере которого расположена долина Баргузин [Марко Поло 1997: 370]. М. П. Алексеев и Г. Юль в мекритах видят тунгусов, а не тюркское или монгольское племя. Более того, Юль в этом описании усматривает ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая при этом: «очевидно, М. Поло получил сведения от очевидцев». При этом приводится цитата из описания путешествия Врангеля, где последний говорит о природе и фауне Нижне-Колымска [Алексеев 1941: 38].

С. А. Федорова на основе идентичности женских хромосом якутов и эвенков говорит о принадлежности Омогоя к эвенкам,

а не к бурятам. Действительно, многие элементы языка и культуры якутов свидетельствуют о возможности их происхождения в результате тюркизации эвенкийских групп. Так *хомус–мухлен* на языке народов Внутренней Монголии считается национальным инструментом эвенков Китая, как и якутов, издревле им свойственным. У амурских эвенков, по материалам А. И. Мазина, есть *сэргэ* — тотемное, шаманское дерево, аналогичное коновязи *сэргэ* среди саха. Эвенкам был известен древний хороводный танец дьюохар, видимо, бурятский еохор и якутский осуохай восходят к нему своими истоками. Якутское олонхо, рассказываемое речитативом, близко к эвенкийскому нимгнакану.

В Баргузинской долине, по эвенкийским сказаниям, вместе жили якуты, баргуты и эвенки. От первых остались роды някугир, якол в составе баргузинских эвенков. Там также распространены предания о племени бекри, с которыми предки эвенков воевали. Исследователи в них видят меркитов или мекритов. Поскольку они под именем вокарай вошли в состав витимских эвенков, их следует отождествить с конными эвенками. Возможно, именно отуреченные бекри стали известны под именем якутов. Как отдельный род, они могли сложиться в результате смешения и взаимодействия баргутов, конных эвенков (бекри) и пеших эвенкийских родов.

Тунгусов можно увидеть в племени да-шивэй, имевшем «непонятный язык» и обитавшем в труднодоступной местности. Иероглиф *да* обозначает «большой» и совпадает с названием племени дахань — «большой народ», которое Н. В. Кюннер также помещал на территории Южной Якутии. Отнесение их к шивэйской группе племен, обычно считающейся монголоязычной, исследователи объясняют тем, что они ранее могли быть зависимыми от древних сяньби. Согласно китайским источникам, к VIII в. относятся экспансия больших шивэй в район Амура и вытеснение ими оттуда остальных племен шивэй, считающихся монголоязычными. Видимо, тогда началось распространение эвенков с территории Южной Якутии в Приамурье, Забайкалье и Маньчжурию.

Формирование тунгусов связано с группой племен, обозначаемых в китайских источниках под именем «шивэй» и зани-

мавших обширные регионы. Этноним *шивэй* переводится как Сибирь~Шибир. В целом данный этноним связывается с названием обширной таежной области, ставшей известным под именем Сибирь. В Маньчжурии существует народность сибо, в Западной Сибири имеются предания о древнем народе Сыбыр, предположительно они являются предками хантов и манси. Шивэй в целом считаются предками монголов и других монголоязычных народов. Однако они частично обитали в Приамурье и Восточном Забайкалье; в пограничной контактной зоне между монголо- и тунгусо-маньчжурскими народами. Поэтому археологи испытывают большие затруднения в идентификации мохэской и шивэйской культур. Ухуани, или увани, ассимилируя северные шивэйские племена, сами подверглись «отунгушению» со стороны больших шивэев. Так, среди тунгусских групп появились общие с монголоязычными народами этнонимы.

Безусловно, научный подход к проблеме этногенеза эвенков предполагает свободное владение обширным материалом, включающим этнографические, археологические и лингвистические сведения, на огромном пространстве Сибири и Дальнего Востока. Мы попытались акцентировать внимание лишь на ключевых темах, основываясь на историографии проблемы.

Источники

ПМА 2013 (Внутренняя Монголия, Китай).

Библиография

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1953. Т. III.

Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск, 1994.

Василевич Г. М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // СЭ. 1946. № 4. С. 34–49.

Василевич Г. М. Уранкай-эвенки // Доклады по этнографии. Л., 1966. Вып. 3. С. 59–93.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). М., 1969.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 3.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Ермолова Н. В. Эвенки: проблемы этнических различий и локальные группы // Этносы и этнические процессы. Л., 1993.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.

Книга Марко Поло. 4-е изд. М., 1997.

Ксенофонов Г. В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск, 1992 (1937). Т. I. Кн. I.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Левин М. Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Северной Азии) // СЭ. 1950. № 2. С. 53–64.

Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

Маркварт И. О происхождении народа куманов // Сайт «Великая степь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml> (дата обращения: 22.06.08).

Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 2000.

Окладников А. П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству.

Паркер Э. Х. Тысяча лет из истории татар. Казань, 2003.

Рычков Ю. Г., Таусик Н. Е., Таусик Т. Н., Жукова О. В., Бородина С. Р., Шереметьева В. А. Генетика и антропология таежных охотников-оленьеводов Сибири (Эвенки Средней Сибири). Сообщение 1: Родовая структура, субизоляты и инбридинг в эвенкийской популяции // ВА. 1974. Вып. 47. С. 3–26.

Сосновский В. И. Сяньбийцы-эвенки: Этнод по туземной этнонимике Сибири // Сибирская живая старина. Иркутск, 1929.

Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 152–177.

Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.

Туров М. Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск, 2008.

Хелимский Е. Тунгусоманьчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология // Материалы докл. на XIII Международн. съезде славистов (Любляна, 15–21 августа 2003 г.). Hamburg, 2003.

Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Shiratori K. Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. II. Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme // Известия Императорской Академии наук. 1902. Сент. Т. XVII, № 2.

Shirokogorov S. M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups). Shanghai, 1929.

Abstract

The paper examines the problem of ethnogenesis Evenki. Explores the concept of the problem in studies Russian, Soviet and Chinese scientists. Approaches and materials to the issue of the anthropological, genetic, ethnographic, archaeological, linguistic and written sources. The author connects the origin of the tribes of the Evenki large Shivei.